

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-176-196

УДК 303.687.4; 351/354

СПРАВЕДЛИВЫ ЛИ ОБВИНЕНИЯ В АДРЕС МЕТОДОЛОГОВ? ОТВЕТ МЕТОДОЛОГА

Розин Вадим Маркович,

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com*

Аннотация

В статье анализируется обсуждение политологами и некоторыми российскими интеллектуалами идей Московского методологического кружка, представителей которых обвиняют в том, что они вооружили неадекватной методологией современную власть, стремятся ею управлять, и чуть ли не идеологически подготовили специальную военную операцию. Автор разводит два основных направления методологии – философско-исследовательское и прикладное, утверждая, что обвинения относятся прежде всего ко второму направлению. Кроме того, он утверждает, что нет одной методологии, есть разные группы методологов с разными взглядами и задачами. Чтобы выработать критерии осмысления и оценки обсуждения, предлагается реконструкция эволюции взглядов и концепций ММК: от первой программы изучения мышления, через программу построения теории деятельности и мыследеятельности к организационно-деятельностным играм (ОДИ) и концепциям управления и ОРУ (организация, руководство, управление). При этом демонстрируется влияние марксистских идей, обусловивших сведение социальности и управления к деятельности. Обсуждается природа ОДИ. В конце статьи характеризуются достижения методологии, полученные в рамках философского исследования, которые автор относит к «золотому фонду методологии». Исследование сопровождается анализом позиций методологов и их критиков, а также социальных ситуаций, предопределивших развитие методологии. В частности, указывается на кризис социализма в СССР, ослабление идеологического давления, расширение свободы, расширение активности философов и ученых. По мнению автора, основные методологические схемы реформирования социальности были созданы в ММК без серьезного изучения социальности, чем и воспользовались некоторые политологи и честолюбивые интеллектуалы, обвиняя методологов, приписывая им властные намерения и цели. Как показывает автор, всё значительно сложнее. Необходимо учитывать как разли-

чие методологических взглядов, так и деление методологии на два направления, а также влияющий на нее политический контекст.

Ключевые слова: методология, мышление, деятельность, исследовательность, оргдеятельностная игра, управление, организация, ситуация, развитие, кризис.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. Справедливы ли обвинения в адрес методологов? Ответ методолога // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1, ч. 1. – С. 176–196. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-176-196.

Вероятно, автору подобной статьи имеет смысл представиться. Да, я позиционирую себя в профессии как методолог-исследователь. Работаю в философии и гуманитарных науках, один из первых учеников Георгия Петровича Щедровицкого, зачинателя новой методологической дискурсивности в России, создавшего одну из самых больших в мире школ методологии – «Московский методологический кружок» (ММК). Взяться за перо меня заставила недавняя полемика в политологических и журналистских кругах, касающаяся именно методологии и методологов, но больше последних. Долгое время о методологах не вспоминали, но вдруг в наше тревожное время заговорили. Оказалось, что именно они подготовили менеджмент, обслуживающий власть (чаще всего произносится имя Кириенко), определили направление социального развития России, чуть ли не подготовили специальную военную операцию (здесь уже произносится имя методолога Петра Щедровицкого, который сформулировал концепт «русского мира»).

Высказывания в этом контексте о методологии и методологах можно условно разделить на две группы. В первой методологов прямо обвиняют в том, что они работают на власть и к тому же направляют ее; во второй, что методология предложила такую картину мира и такое представление о социальности, в соответствии с которыми для социального развития не требуется политических изменений, нужна только эффективная технология управления. Этим точкам зрения в оппозицию можно поставить традиционную, философскую, в которой методология – это только учение о методах или мышлении, т. е. знание и исследование, а не социальное действие. Приведу примеры обоих типов высказываний и традиционного взгляда на методологию.

Первый тип (сайт «Викиреальность», статья «Методологи»): «Методологи (щедровитяне) – наименование существующей в России группы политологов и политиков, придерживающейся идеологии под названием “методология”, обслуживающей российскую власть. Ключевые слова-маркеры методологов: “форсайт”, “мыследеятельность”, “игротехника” (альтер-

нативное название методологии). Ключевой идеей является воздействие на общество путем игровых и других практик. Сами методологи похожи на секту и масонов, их существование редко упоминается в СМИ, но тема обсуждается в блогосфере» [7].

Второй тип (сайт Полит.ру, «Будущее есть!», статья «Школа Щедровицкого и ее наследие», а также высказывание политолога и аналитика Владимира Пастухова): «Участники объединения придерживались мнения, что с помощью тщательно продуманных технологий обучения и построенных в форме игр тренингов можно преобразовать и структурировать мышление любого человека, а вместе с тем – и государства <...>. Его адепты верили в так называемый тотальный социальный конструктивизм. Этот подход подразумевает, что с помощью правильно организованного менеджмента и набора технологий, в том числе через создание искусственных кризисов, можно решить любые общественно-политические задачи силами небольшой группы интеллектуалов» [3].

«Кто же эти “инженеры человеческих душ” нашего времени? – спрашивает Пастухов. – ... перед нами “управленческий фетишизм” позднесоветского времени, одним из наиболее ярких представителей которого была секта методологов, проповедовавшая при благосклонном отношении андроповского клана одну из разновидностей коммунистической ереси – неортодоксальной интерпретации привычных советских идеологем.

Суть управленческого фетишизма сводится к тому, что любые недостатки системы могут быть устранены без перестройки ее оснований за счет эффективного менеджмента (управления). Процветание системы зависит исключительно от количества и качества эффективных менеджеров, которым она доверит свою судьбу. Эта философия была очень близка той части советского руководства, которая не хотела ничего менять в общественном укладе, но при этом понимала, что буквально все необходимо изменить, чтобы выжить. Методологи внушали ей ложную надежду, что выход есть, достаточно лишь власть имущим прикупить их “социально-философский камень” ... Хотя официального признания теории методологов получить не успели, им дана была невиданная в СССР свобода распространения своих неортодоксальных взглядов. ... Горбачев пошел другим путем: он предпочел сломать систему, и методологи оказались исторически невостребованными. Как выяснилось – не навсегда. ... Сохранилась и молодая поросль методологов. Часть близких им по духу аппаратчиков почти все время оставалась в номенклатурной обойме, но на вторых и третьих позициях. Так продолжалось до тех пор, пока события 2011–2013 гг. не вытолкнули их на первые позиции в администрации» [10].

Традиционный взгляд на методологию. **Методоло́гия** (от греч. *μεθoδoλoγία* – учение о способах; от др.-греч. *μέθοδος* (*μετά-* + *ὁδός*), букв. «путь

вслед за чем-либо» и др.-греч. λόγος – «мысль», «причина») – учение о методах, способах и стратегиях исследования предмета [8]; «философская дисциплина, решающая две основные задачи: анализ затруднений и проблем в научном и других видах мышления и выработка путей (методов, подходов, средств) решения этих затруднений и проблем. Понимание методологии только как науки о методах мышления, когда-то весьма плодотворное, сегодня отходит на второй план... Сегодня в методологии можно различить две основные ориентации: критико-аналитическую и проектно-конструктивную. Реализуя первую ориентацию, методолог выступает как исследователь мышления (деятельности) в той или иной дисциплине. При этом он должен осуществить рефлекссию особого рода – критическую и исследовательскую. Реализуя проектно-конструктивную ориентацию, методолог помогает специалисту перестраивать и развивать свой предмет. Важным результатом критической деятельности методолога является “распредмечивание” понятий и других дисциплинарных представлений. В рамках проектно-конструктивной ориентации осуществляется обратная процедура – “опредмечивание”, то есть построение новых понятий и идеальных объектов» [9, с. 454, 455].

Даже указанные здесь три точки зрения (реально их больше) позволяют сказать, что нет каких-то одних методологов, есть разные группы с разными установками и способами работы. Есть линия исторического развития методологии в России (например, в 1920-х годах С.Л. Франк, Л.С. Выготский); линия развития методологии в СССР, главные роли в которой сыграли А. Зиновьев, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкий, Э. Ильенков, В. Библер, М. Гефтер и др.; есть история ММК; есть современные, очень разные группы методологии (например, П. Щедровицкого, Ю. Громыко, С. Попова); есть, наконец, и отдельные методологи с очень разными взглядами (в том числе и ваш покорный слуга).

Определенное значение в том развитии событий и направлении методологии, которые стали предметом обсуждений и обвинений в адрес методологов, безусловно, сыграл сам Георгий Петрович Щедровицкий. Но прежде чем поговорить об этом, приведу собственное отношение к мнению Пастухова.

«Думаю, в словах Пастухова кое-что – правда, и через ОДИ похожие идеи, действительно, могли быть усвоены управленцами, которые обслуживают власть. Увы. Еще работая с Щедровицким, я спрашивал его по поводу отсутствия в методологии этической и социальной проблематики. На что мой учитель отвечал резко и раздраженно: “Это не обсуждается, надо просто развивать методологию”. ... Однако надо уточнить. ММК никогда не был сектой. Мы публиковались в научных журналах, издавали сборники, участвовали в конференциях, защищали диссертации.

Думаю, Пастухов преувеличивает влияние концепций Щедровицкого на указанную им часть советского руководства (здесь одни предположения, а не факты). Наконец, в настоящее время, на мой взгляд, абсолютно всем стало понятно, что сам по себе умный и рациональный менеджмент не в состоянии переломить социальную ситуацию. ...

С версией Пастухова вообще нельзя согласиться. Он утверждает, что в основе идеологии Кремля лежат концепции Г.П. Щедровицкого. Это не так, хотя, возможно, идея рационального менеджмента, который, с точки зрения Кириенко, ... но не Щедровицкого, можно использовать для манипулирования массами, там присутствует. ... Соединив в одной статье домыслы о методологах и размышления об идеологии нашей власти, Пастухов создал нехороший прецедент и миф ... став жертвой красивой конспирологической реконструкции истории» [12, с. 167, 168].

Статья Пастухова и его обвинение в адрес методологов заинтересовали и мою коллегу, Веру Данилову. «И я, – пишет она мне, – второй день думаю об этой статье. Считаю, что он переоценил значение методологии ММК. ... Но при этом понятно, на какие факты он обращает внимание, и понятно, как такой вывод можно сделать».

Оставляю за скобками обозначение ММК как секты. Это расплывчатое и оценочное в первую очередь понятие, нагруженное негативными смыслами. Раньше противников называли “врагами народа”, теперь называют “сектой”. И то и другое логически опровергнуть невозможно.

В чем он, на мой взгляд, прав. Да, методологические техники и схемы рассматривались Щедровицким как средства управления. И да, была идея, что именно правильно организованное управление – с достаточным количеством логических уровней, опирающееся на методологическое мышление, – обеспечивает преодоление разрывов и развитие деятельности (и по сопричастности общества). Именно эту идею и пересказывает на своем языке Пастухов. Насколько я понимаю, до перестройки управляющая позиция рассматривалась независимо от формальных структур власти. То есть эта идея сначала отвечала на вопрос, как может управлять развитием деятельности интеллектуал, не занимающий никаких постов в вертикали власти.

Я согласна с Пастуховым, что эта идея и утверждение, что “методология может все”, в 80-е годы очень привлекала молодых комсомольских и партийных функционеров. Например, Реус из них, и Кириенко из них, да и у Волкова есть опыт комсомольской работы, насколько я помню. А самого Щедровицкого привлекала идея передать методологические средства тем, кто имеет или будет иметь место в структурах власти. Например, некоторые игры. Во многом проект ТАУ туда же. И для поколения перестройки уже очевидно, что методологические средства управления нужны тем, кто

занимает достаточно высокие посты в структурах власти. (Петр Щедровицкий несколько лет назад намечает другой ход, пытаясь переопределить СМД-методологию как возможное методологическое обеспечение предпринимательской деятельности.)

Дальше начинаются предположения Пастухова. В частности, он предполагает, что Кириенко ... увлекся этой идеей. В общем, исключить это невозможно. Он предполагает, что Кириенко освоил методологические средства настолько, чтобы, опираясь на них, нечто делать (в частности, укреплять вертикаль власти). Тоже не исключено. ...

Но в статье Пастухова просвечивает конспирологический сюжет – что-то вроде того, что методологи захватили власть в России и строят тоталитарное общество. Вот здесь он, очевидно, ошибается. Хотя бы потому, что “секты методологов” как единого сообщества и субъекта деятельности все-таки не существует.

А то, что некоторые методологические разработки и идеи внесли в это свой вклад, может оказаться правдой. Могу добавить только, что это нормальная судьба любых изобретений. Например, лазер был создан первоначально вроде бы как устройство для проведения научного эксперимента. Достаточно быстро он был модифицирован для использования его в качестве оружия. Вообще в нашем мире любое изобретение чуть раньше или чуть позже приводит к созданию новых видов оружия или еще к какой-нибудь другой дряни, которая и не предполагалась его авторами.

Хотя, может быть, есть смысл подумать о том, что в методологических идеях тяготеет к тоталитарному консерватизму. ... Интересно с этой точки зрения посмотреть на устройство базовых методологических схем и онтологических полаганий. Кстати, на кухне этика обсуждалась, и в общем были этические принципы семинара, которые транслировались через байки, кухню, всякие разговоры “не под магнитофон”. Хотя все эти каналы фактически перестали существовать, когда ГП перестал проводить семинары на квартире.

Пастухов правдоподобен, к сожалению. И слишком много людей, зацепленных методологией, занимают сейчас консервативные позиции и оправдывают авторитарные методы правления. И в Украине методологи хронически работают “на империю”. Вообще мне давно кажется, что в базовых положениях методологии есть какой-то авторитарный “вирус”. Именно в идеях и схемах, а не в личности Щедровицкого.

Боюсь, что с идеями и техниками, которым Кириенко научился у Петра (не мог не научиться за столько лет сотрудничества), произошло то же, что и с предложенной Петром идеей “русского мира”. ... Единственно, что можно возразить Пастухову, что методологи не настолько сильны и субъективны, как ему кажется. Захотят ли методологи на это возра-

жать после всех заявлений, что методология может все, а “охота на власть” может быть успешной при достаточном методологическом оснащении?» [12, с. 168–170].

Теперь об эволюции взглядов Г.П. Щедровицкого и главных идеях методологических концепций, которые создавались не только усилиями моего учителя, но и интеллектуального ядра ММК. Это ядро (Щедровицкий, Н. Алексеев, И. Ладенко, Б. Сазонов, В. Костеловский, В. Лефевр, Н. Непомнящая, В. Розин, О. Генисаретский и др.) разделяло марксистские идеи (деятельности, преобразования социальной реальности, историчности, приоритета знаний интеллектуальных вождей, практики как социально-инженерной деятельности), но в силу требований советской идеологии разделяло не по отношению к социальному порядку и политике, объявленных партией незыблемыми (вечными), а по отношению к мышлению, науке, образованию. Была поставлена задача перестройки всех наук и образования как условие преобразования, вероятно, социальной, хотя говорили просто о развитии мышления и деятельности.

Вот пример в отношении одной из новых дисциплин – дизайна. «До последнего времени науки, обслуживающие разные сферы человеческой практики и инженерии, – пишет Щедровицкий, – складывались, как правило, очень медленно, стихийно, путем множества проб и отбора из них тех, которые оказывались удачными. На это уходило столетия. Дизайнерская практика не может ориентироваться на такой путь постепенного становления и оформления необходимой ему науки. Науку дизайна нужно *построить*, и это должно быть сделано быстро, максимум в два-три десятилетия. Это значит, что теоретики дизайна уже не могут рассчитывать на естественный процесс отбора удачных понятий и удачных решений задач. Они должны построить теорию дизайна примерно так, как инженер строит или конструирует какую-либо машину или изделие. Это значит, что должны *спроектировать* науку, обслуживающую дизайн, а потом создать ее части и элементы в соответствии с этим общим проектом» [17, с. 337].

Поясняя, что в основе методологических проектов преобразования лежит идея развития, Щедровицкий, полемизируя на одном из семинаров со мной, писал: «И вот тут вроде бы многие из вас должны воскликнуть: “Да идите вы вообще подальше! Хватит нам тех, которые переделывают мир” ... Я понимаю этот тезис, с одной стороны, поскольку действительно очень противно. Но, с другой стороны, уважаемые коллеги, нельзя не переделывать мир. Маркс был прав. Как бы вы ни относились к тому, что сейчас происходит, и к тому, что было в предыдущие десятилетия, этот принцип по переделке мира остается одним из фундаментальных положений европейской культуры вообще, философии и методологии – в частности. И уж, во всяком случае, я должен говорить искренне и откровенно:

мы исповедовали этот принцип и полагали, что люди должны переделывать мир, изменять его. И вся наша жизнь проходила как жизнь по переделке мира. ... Да, и если вы теперь набрались окаянства и ставите своей индивидуальной целью и задачей развитие или трансформацию (изменение) мышления, то вам нужна искусственно-техническая картина мышления. Чтобы иметь возможность менять мышление, строить новые формы и создавать новые содержания» [18, с. 65, 103].

Что значит переделывать мир, и *какой* мир? Отвечали, что мир науки, мышления, деятельности; подразумевали на заднем плане, что и мир социальности России. Но и его понимали своеобразно, поскольку сознательно этот вопрос не обсуждали. Например, Щедровицкий социальность во многом сводил опять же к социальным преобразованиям (развитию), инициатором и мотором которых должна выступать интеллигенция (интеллектуалы). В начале 1952 г., рассказывает он, «я твердо решил, что основной областью моих занятий – на первое десятилетие во всяком случае, а может быть, и на всю жизнь – должны стать логика и методология, образующие “горячую точку” в человеческой культуре и мышлении ... я представлял себя прогрессором в этом мире. Я считал (в тогдашних терминах), что Октябрьская революция начала огромную серию социальных экспериментов по переустройству мира, экспериментов, которые влекут за собой страдания миллионов людей, может быть, их гибель, вообще перестройку всех социальных структур. ... И определяя для себя, чем же, собственно говоря, можно здесь заниматься, я отвечал на этот вопрос – опять-таки для себя – очень резко: только логикой и методологией. Сначала должны быть развиты средства человеческого мышления, а потом уже предметные, или объектные, знания, которые всегда суть следствия от метода и средств ... первую фазу всего этого гигантского социального и культурного эксперимента я понимал не в аспекте политических или социально-политических отношений, а прежде всего в аспекте разрушения и ломки всех традиционных форм культуры. И я был тогда твердо убежден, что путь к дальнейшему развитию России и людей России идет прежде всего через восстановление, или воссоздание культуры – новой культуры, ибо я понимал, что восстановление прежней культуры невозможно. Именно тогда, в 1952 году, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: для того чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить интеллигенцию России. ... Я, действительно, до сих пор себя мыслю идеологом интеллигенции, идеологом, если можно так сказать, собственно культурной, культурологической, культуротехнической работы. ... Интеллигент обязан оставаться мыслителем: в этом его социокультурное назначение, его обязанность в обществе» [19, с. 288, 302, 303].

Ну хорошо, представим, что удалось воссоздать интеллигенцию, причем в новом качестве, т. е. интеллектуалов, готовых к преобразованию мира. Что дальше? Есть ли у них план, что они понимают под миром; сводится ли социальность к мышлению и деятельности, о которых шла речь? И главное: а что если люди в России не захотят развиваться и идти вслед за методологами? Не напоминает ли эта ситуация платоновскую в «Государстве»? Платон брал план преобразования античного государства с неба, припоминая идею государства, т. е., как сказал бы И. Кант, это был план, основанный на априорных идеях самого Платона. Что прекрасно понимал Аристотель, который писал: «Но если бы даже кто-нибудь установил умеренную собственность для всех, пользы от этого не было бы никакой, потому что скорее уж следует уравнивать человеческие вожделения, а не собственность. А это возможно достигнуть лишь в том случае, когда *граждане будут надлежащим образом воспитаны посредством закона*. ... Лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти» [1, с. 420].

В противовес «проектному разуму» Платона его ученик вводит понятие «природы», утверждая необходимость науки об общественном устройстве. Почему же Щедровицкий со товарищи-методологи не видели необходимости изучения социальности (социального порядка и природы)? Здесь были две основные причины. Первая – это было опасно, поскольку запрещено, ведь считалось, что социалистический порядок описал К. Маркс (а он не мог ошибиться), а социалистические вожди и обслуживающие их философы безукоризненно истолковали работы Маркса. Вторая причина была обусловлена марксистскими установками самих методологов. В конце первого тома «Капитала» Маркс утверждал: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». Понимание этого вывода Маркса претерпело в России два превращения: с одной стороны, как высылка из страны всех несогласных (вот как Троцкий объяснял «Философский пароход»: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» (цит. по [16]), с другой – физическое уничтожение буржуазии и всех врагов народа.

Другими словами, марксисты мыслили себя демиургами, а несогласных – объектами (материалом) преобразований. В их дискурсе не входило сопротивление социалистическим проектам («социалистическому разуму»), не входило признание самостоятельного бытия других людей, они не признавали естественное социальное существование (социальный порядок и природа). Но как же в этом случае гуманистические установки Щедровицкого и его коллег, которые читали и старую философскую литературу, и самиздатовскую (и «Вехи», и Солженицына, и многое другое)?

Всё так, и при всём при том мы в 60-х, 70-х годах мыслили, как марксисты (лично я к представлению о социальности пришел только в конце 90-х, и только в последнее десятилетие сосредоточился на изучении социальности [13–15]).

Подтверждает сказанное и то, что идею мышления в середине 60-х сменила идея деятельности, которая была чисто марксистским проектом. «Мы полагаем, – пишет В.В. Давыдов, – что именно понятие деятельности может быть той исходной абстракцией, конкретизация которой позволит создать общую теорию развития общественного бытия людей и различные частные теории его отдельных сфер. На этом пути стоят большие препятствия, одно из которых как раз и связано с трудностями дальнейшей разработки философско-логического понимания деятельности» [2, с. 14].

Социальность по-марксистски была понята как деятельность. «Деятельность М.Я. Басовым, С.А. Рубенштейном, учениками Л.С. Выготского и многими советскими философами мыслилась как вторая природа, исследование законов которой позволит управлять поведением человека и социальными процессами» [6, с. 354]. Полемизируя с психологами, предлагавшими ограничиться «психологией ради психологии», А.Н. Леонтьев пишет, что основная проблема марксистской психологии в этом случае оказывается отодвинутой на второй план. «Общий тезис об историзме, – разъясняет Леонтьев, об общественной сущности человека и его сознания сохранялся, но лишь декларативно и преимущественно по отношению к таким проблемам психологии, как проблема социальных черт личности, высших чувств, моральной воли и т. п. ... Действительная же задача, конечно, состоит, наоборот, в том, чтобы распространить единый подход на все проблемы психологии человека и таким образом включить их в систему единой науки» [6, с. 354, 355].

Обсуждая в 1971 г. необходимость выделения деятельности, Щедровицкий пишет: «Мы наблюдаем массу разных вещей и хотим, следуя идеалам и эталонам естественно-научного мышления, найти некоторые законы, управляющие жизнью этих вещей» [21, с. 39]. Долгое время представителям ММК того периода (70–80-е гг.) казалось, что деятельность как предельная онтология и задает картину мира, что кроме нее ничего не существует. На лекциях в 70-х один из участников задает вопрос: «А за пределы деятельности вырываться нельзя? – на что Г. Щедровицкий отвечает: “Нельзя и не надо. Надо только развивать деятельность, поднимаясь по ступенькам вверх и вверх. Конечно, мы не получаем объекта, всегда только знание, но ведь объект нам и не нужен. ... Из этого вы никуда не сможете выскочить. Сама попытка выйти за пределы деятельности – нонсенс”» [21, с. 64, 71].

С одной стороны, этот ответ Щедровицкого можно понять как установку на развитие теории деятельности, что предполагало защиту онтологии

против контрпримеров (см. концепцию И. Лакатоса), с другой – как сложившееся у Щедровицкого твердое убеждение, что он, наконец, понял, как на самом деле устроен мир. Почему же к началу 80-х гг. он отказывается от программы построения теории деятельности и переходит к построению теории «мыследеятельности»? Здесь можно указать на два основных обстоятельства. Первое: теория деятельности востребована в определенных типах социальности, конкретно таких, где не допускается свободное поведение личности, коллективная жизнедеятельность человека выстраивается в рамках жесткого единого управления, а гражданам вменяются нарративы, обеспечивающие монистические убеждения и беспрекословное подчинение социальным институтам. Таковы, например, были большинство царств Древнего мира или социалистическое общество и государство в СССР. Но во второй половине 80-х в СССР начинается перестройка, т. е. происходит смена социальности. Ее становление предполагало демонтаж единого централизованного управления, свободу личности, новые плюралистические нарративы реальности. В этих условиях теория деятельности быстро теряет свое значение.

Второе обстоятельство отчасти связано с первым. Щедровицкий в этот период как бы заново осознает то, что он и так вроде бы знал и даже в 70-е годы исследовал, а именно: помимо деятельности существуют коммуникация и мышление, которые могут существенно влиять на деятельность. Получается, что деятельность – это не только не предельная онтология, но, возможно, всего лишь конструктивная, виртуальная реальность методологов, что стоит положить более широкое, чем деятельность, представление. И Щедровицкий предлагает такое представление – «мыследеятельность». «В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение “мыследеятельность”, которое больше соответствует реальности и поэтому должно заменить и вытеснить выражение “деятельность” как при исследованиях, так и в практической организации» [23, с. 297, 298].

Вообще говоря, этот шаг был достаточно революционным, поскольку разрушал марксистский проект деятельности. Введение коммуникации, предполагающей диалог личностей (М. Бахтин) и «чистое мышление», что, в свою очередь, открывает дорогу личности, делало невозможным установление точных законов (так же, впрочем, как и единой монистической реальности). Но, судя по последним работам моего учителя, он это не осознавал, продолжая настаивать на идее социотехнической организации мышления, опирающейся на теории» [12, с. 124–128].

Параллельно с преодолением онтологии деятельности методологи перешли к формированию новой практики, получившей название «оргедея»

тельность игр» (ОДИ). Причем уже в новых социальных условиях: всё более углубляющемся и осознаваемом кризисе социализма, ослаблении идеологических норм, появлении зон свободы принятия решений. Методологии воспользовались этой ситуацией, предлагая наработанные ими средства и мыслительные технологии для решения сложных социальных и народно-хозяйственных проблем, которые для социалистической бюрократии и хозяйственников выглядели принципиально нерешаемыми.

Сегодня некоторые участники обсуждения истории того времени говорят, что не надо было методологам браться за решение подобных проблем (организовывать политические клубы, свободные выборы, проектировать молодежные комплексы жилья, предлагать спасение Байкала или отработавших свой срок атомных электростанций и пр.), что это, мол, был коллаборационизм, поддержка падающего социалистического режима. Более правильная, с их точки зрения, стратегия – борьба (диссидентство) или эмиграция (внешняя или внутренняя).

С этим трудно согласиться. Во-первых, выбор жизненной стратегии – личное дело каждого, здесь нет правильных или неправильных решений. Во-вторых, живя в своей стране, гражданин должен вносить свой вклад в ее жизнь и обустройство (о чем писал еще Аристотель). В-третьих, в ситуациях глубокого социального кризиса, когда открываются разные возможности, появляются зоны свободы, создаются также условия для решения нерешаемых прежде задач, для социального творчества. Другое дело, что, как правило, эти решения трудно тиражировать, и они временны (впрочем, не всегда). Тем не менее именно подобные социальные новации порождают новые очаги социальности. Всего один пример: на волне перестройки и реформ доктору юридических наук Анатолию Матюхину (его поддерживал методолог Вячеслав Марача) удалось создать в Казахстане первоклассную юридическую школу «Эдилет», в которой я два раза читал лекции по философии права. Она стала образцом для подобных юридических школ в стране [4].

Задним числом мы всегда умны, поскольку поняли и увидели, во что вылились наши усилия, но в потоке жизни, да к тому же не зная целого и плохо понимая, что происходит, мы не можем не прилагать усилия для решения проблем, которые нам кажутся важными и значимыми. И даже многое понимая, гражданин или просто любящий страну человек, даже видя реальные угрозы для своей жизни, часто выбирает для себя путь вовсе не в пользу внешнего благополучия.

«То, что я живу в тоталитарной системе, – пишет Щедровицкий, – я понял где-то лет в двенадцать. А дальше передо мной стоял вопрос: как жить? Я понял одну вещь – что я должен на все это наплевать, поскольку тоталитарная, не тоталитарная – знаете, никакой разницы между ними

нет, по сути. Когда я это понял, я дальше жил и работал. И обратите внимание, выяснилось, что это несущественно, в каких условиях вы живете, если вы имеете содержание жизни и работы <...> если у вас что-то есть за душой, то вы можете развернуться и здесь. И вроде бы я есть живое доказательство этого, поскольку работаю-то я в философии – все время. И оказывается – можно работать! <...> тоталитаризм есть творение российского народа. Народа! И соответствует его духу и способу жизни. Он это принял, поддерживал и всегда осуществлял. Вот ведь в чем состоит ужас ситуации» [24].

Интересно понять позицию Щедровицкого по отношению к социализму. Как-то, гуляя на ул. Горького, мой учитель сказал: «Я ненавижу этот строй, он рухнет». Но при этом он никогда не призывал нас бороться против социализма, вероятно, считая, что наша задача в другом: обеспечить будущих управленцев знаниями и технологиями. «Для меня, – пишет Щедровицкий, – работа в области методологической Касталии есть главное. Если мне удастся подготовить сто – сто пятьдесят методологов на страну, я умру спокойно. Поскольку они дальше будут по принципу лавины готовить следующих» [22, с. 482].

Интересно, что теперь, с развитием ОДИ, идеи деятельности и мыследеятельности трансформировались в третий вариант социального действия (первый – социальная инженерия на основе знания законов мышления, второй – знания законов деятельности). Третий вариант был назван Щедровицким «ОРУ» (организация, руководство, управление). Первые две практики, по сути, полностью истолковывались в логике деятельности (организация и руководство, как деятельности, не предполагают учета активности тех, кого организуют, кем руководят). Третий вариант под влиянием схемы мыследеятельности, напротив, предполагал учет этой активности. Управление вводилось Щедровицким как «деятельность над деятельностью», где вторая деятельность понималась как встречная активность тех, кем управляют, активность, которую нужно учитывать в управлении. Но опять же: не понималась ли «деятельность над деятельностью» в логике деятельностного подхода?

По литературе видно, что задачи ОДИ задавались двояко: как развитие самой методологии, ее средств и технологий, и как создание проектов и решений, удовлетворяющих заказчика. Уже это создавало проблему. Но была и другая проблема: реальная оргдеятельностная игра была далека от той реальности, которая задавалась схемой «деятельность над деятельностью». Прежде всего и руководитель игры с игротехниками (то есть методологи), и игровой коллектив, сформированный так, чтобы имитировать социальность (представители власти, возможные пользователи, участвующие в реализации будущего проекта специалисты и пр.), представ-

ляли собой не просто акторов деятельности, а небольшие сообщества, внутри которых складывались и менялись непростые отношения. И речь не столько об управлении, сколько о довольно сложном взаимодействии этих двух сообществ. Дальше важно понимать, что это всё же была игра: ее участники, так сказать, «снимали свои погонь» (то есть, например, начальник на время игры забывал свои полномочия, действуя наравне со своими подчиненными, делясь с игровой группой своими знаниями и опытом); все должны были решать поставленную руководителем игры или игротехником задачу, стараться решить ее рационально, исходя из интересов дела, а не сложившейся практики.

Участие в ОДИ методологов позволяло спланировать игру еще до игры, провести нужные для дела исследования, организовать групповую работу участников игры, привнести в работу игрового коллектива и отдельных групп методологические идеи и схемы, инициировать рефлексию, групповое и коллективное обсуждение и многое другое (см. подробнее [20]). В ситуации кризиса социализма и начавшейся перестройки ОДИ были очень эффективны, поскольку позволяли наметить решение нерешаемых задач, разработать первые проекты намеченных решений, инициировать интерес к социальным новациям. По сути, в то время это был своего рода инструмент социальной педагогики.

Однако уже методолог Сергей Попов отмечал, что участники ОДИ, вернувшись с игры в свои учреждения, на свои должности, как правило, не могут реализовать идеи и навыки, полученные на игре. «На базе проведения ОДИ, – пишет Попов, – появляется целая сфера разработок по проблемам организации коллективного мышления и деятельности в проблемных ситуациях. Теоретическую основу таких разработок составляют, с одной стороны, игротехника, использующая представление о мышлении и деятельности и способах их организации, с другой – методология проектирования и программирования. Несмотря на изоционность методов как системного подхода, так и методологии организации коллективного мышления и деятельности, результаты такого рода работы упираются в вопрос реализации найденных решений. Всё время оказывается, что новые решения выходят за рамки профессиональных возможностей людей и принятой социальной организации и, следовательно, изначально попадают в агрессивную среду. Оказывается (и так происходит теперь с любыми сложными решениями), для того чтобы найденное решение реализовалось, необходимо сменить тип социальной организации, способы мышления и организацию сознания людей, их взаимоотношения» [11, с. 50].

И понятно почему: в реальной жизни мы действуем не рационально, а как диктует жизнь, традиции, социальные институты и институции (многие из нас стараются действовать рационально, другое дело, что из этого

получается). Однако методологические схемы и знания описывали закономерности не этой реальной социальной жизни, а мышления и деятельности, удовлетворяющих марксистским принципам, весьма далеким как от социальной реальности 80-х годов, так и от становящейся гибридной реальности времен перестройки и реформ.

Но ведь было еще одно направление методологии – развитие ее как формы философского исследования (хотя я тоже участвовал в игровом движении, например, в игре Ирины Жежко, а также вместе с Андреем Вербицким разрабатывал и организовывал педагогическую игру, всё же основное мое занятие – методологические исследования в философии). В этом направлении методологии, на мой взгляд, было сделано очень много. Суммируя то, что сделано, в своей работе [12], я назвал результат «золотым фондом методологии». «Прежде всего, был заявлен сам методологический подход как самостоятельный, не совпадающий с существующими подходами в философии. Было “положено”, как говорил Щедровицкий, мышление в качестве реальности, которую в методологии необходимо исследовать и конституировать. И не просто заявлен методологический подход, он практически был реализован, т. е. стало понятно, что методология может существовать и развиваться в качестве самостоятельной дисциплины и интеллектуальной практики.

Не меньшее достижение – разработка технологии методологической работы. Она включает в себя, с одной стороны, характерные формы коллективной мыследеятельности (методологические семинары, позднее – оргдеятельностные игры), с другой – характерные формы мышления. Если говорить о первой стороне, то она проявилась уже на первом этапе становления ММК. Как я старался показать на первых “Чтениях”, посвященных памяти Щедровицкого, хотя при создании схем и понятий содержательно-генетической логики представители ММК субъективно руководствовались поиском истины и желанием понять природу мышления, однако объективно (как это сегодня видится) решающее значение имели способы организации коллективной работы – жесткая критика, рефлексия, обсуждения, совместное решение задач, а также возможность реализовать ценностные и методологические установки основных участников (естественно-научный подход, деятельностный подход, семиотический, исторический и др.). Практиковавшиеся в ОДИ (организационно-деятельностных играх) формы коллективной работы были, конечно, значительно сложнее (работа в тематических группах, включающих оргтехников, рефлексия и сборка на общих площадках, методологическая инициация и управление со стороны руководителя игры и другие). Известно, что многие формы семинарской и оргдеятельностной работы ММК – правда, в упрощенных вариантах – широко разошлись по стране.

Вторая сторона была не менее богатой. Укажу только на некоторые полученные здесь интеллектуальные достижения и изобретения. Это несколько форм рефлексии (собственного мышления и деятельности, форм деятельности и мышления других “дисциплинариев” (термин С. Попова), написанных текстов, рефлексии, способствующей развитию деятельности или разрешению проблем). Это важное искусство постановки проблем и ситуационного анализа, без которых методологическая работа немислима. Процедуры распределечивания и опредечивания, включающие объективацию и оестествление. Процедуры замышления, проектирования и конструирования новых мыслительных структур. Техники построения схем и схематизации. Как я показываю в книге “Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании”, в методологии схемы выполняют роль, сходную с математическим языком в естествознании и эскизами в проектировании. Кроме того, они позволяют переходить от проблем методолога к конструированию им новой реальности, открывающей возможность обновленного понимания, видения и деятельности. В золотой фонд методологии, вероятно, войдут и многие конкретные схемы, изобретенные и опробованные в ММК, например, схема знания, многоплоскостного замещения, деятельности и мыследеятельности (акта деятельности, кооперации позиций и видов деятельности, воспроизводства, трансляции и коммуникации, шага развития, двух досок, сферы деятельности и др.). Сюда же относятся разработанные в ММК методы псевдогенетического анализа (реконструкции), двойного знания, конфигурирования и другие. Естественно, нельзя не указать и два варианта системного подхода, которые создавались в рамках теории деятельности и методологии. Думаю, в золотой фонд методологии войдет и сама история становления и развития ММК, в частности, три методологических программы (построение содержательно-генетической логики и теории мышления, разработка теории деятельности и мыследеятельности, замышление и практикование ОДИ), форм организации методологической работы, отношений с официальной наукой, эволюция идей, возникающие проблемы и способы их разрешения.

Говоря о золотом фонде методологии, я отдаю себе отчет в том, что перечисленные достижения и результаты в полном соответствии с методологическим подходом представляют собой виды технологии мышления, и что за ними стоит, определяя, социальность, характерная для нашей страны второй половины двадцатого столетия. Поэтому дальнейшее использование этого сверхценного для методологии инструментария предполагает переосмысление построенных в ММК средств в плане соотношения их с указанным и современным типами социальности» [12, с. 72–74].

Были и серьезные неудачи, не без того. Например, «мой учитель был достаточно амбициозен, он заявил несколько программ реформирования (науки, педагогики, дизайна, психологии, социологии, даже социума), включая три программы построения предельной онтологии (мышления, деятельности имыследеятельности), но реально удачной оказалась только программа построения теории деятельности (да и то именно от нее Щедровицкий, в конце концов, отказался, переведя направление основных исследований на развитие мыследеятельности)» [12, с. 76]. И всё же эти неудачи несопоставимы с тем, что основные методологические схемы реформирования социальности были созданы без серьезного исследования социальности. Именно этим воспользовались некоторые политологи и честолюбивые интеллектуалы, которые, не зная самой методологии и ее истории, стали обвинять методологов, приписывая им властные намерения и цели. Как я показываю, всё значительно сложнее, а Бог, впрочем, как и дьявол, в деталях.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–645.
2. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
3. *Джуматаев К.* «Новые люди» вернулись к старым идеологам // Дзен. – 2020. – 22 декабря. – URL: https://dzen.ru/media/octagon_media/novye-liudi-vernulis-k-starym-ideologam-5fe1f258a26fb132ca294cfe (дата обращения: 21.02.2023).
4. *Корнеев Д.* Воспитание юриста // Караван. – 2003. – 18 апреля. – URL: <https://www.caravan.kz/articles/vospitanie-yurista-370231/> (дата обращения: 21.02.2023).
5. *Кукулин И., Куренной В.* Школа Щедровицкого и ее наследие. Ч. 1 // Полит.ру. – 2017. – 31 марта. – URL: <https://polit.ru/article/2017/03/31/methodology/> (дата обращения: 21.02.2023).
6. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 575 с.
7. Методологи // Викиреальность. – URL: <https://wikireality.ru/wiki/Методологи> (дата обращения: 21.02.2023).
8. Методология // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=48588&oldid=127839332> (дата обращения: 21.02.2023).
9. Методология (Розин В.М.) // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – С. 454–455.
10. *Пастухов В.* Отравление Кирова // Новая газета. – 2021. – 20 сентября (№ 105).
11. *Попов С.В.* Методология организации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / под. ред. В.М. Розина. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 45–63.
12. *Розин В.М.* Этапы постижения и расколдовывания мышления и деятельности. Творчество Г.П. Щедровицкого: высокая драма жизни и мысли. – М.: Ленанд, 2022. – 200 с.

13. *Розин В.М.* Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. – М.: Ленанд, 2016. – 288 с.
14. *Розин В.М.* Становление и развитие европейской социальности: этюды-исследования. Кн. 1. Древний мир и Средние века. – М.: URSS, 2019. – 181 с.
15. *Розин В.М.* Генезис европейской социальности: этюды-исследования: новое время. – М.: Новый хронограф, 2020. – 400 с.
16. Хрестоматия по истории России, 1917–1940 / под ред. М.Е. Главатского. – М.: Аспект Пресс, 1994. – С. 265–268.
17. *Щедровицкий Г.П.* Дизайн и его наука: «художественное конструирование» – сегодня, что дальше? // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 334–342.
18. *Щедровицкий Г.П.* На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. – М.: Школа культурной политики, 2004. – 195 с.
19. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом. – М.: Путь, 2001. – 365 с.
20. *Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра: сборник текстов (1). – М.: Наследие ММК, 2004. – 288 с.
21. *Щедровицкий Г.* Знак и деятельность. – М.: Восточная литература, 2005. – 463 с.
22. *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. – М.: Школа культурной политики, 1997. – 641 с.
23. *Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 281–299.
24. *Щедровицкий Г.П.* Философия у нас есть! Лекция на Досках // Философия. Наука. Методология. – М.: Школа культурной политики, 1997. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5484/5486> (дата обращения: 21.02.2023).

Статья поступила в редакцию 24.10.2022.

Статья прошла рецензирование 11.11.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-176-196

ARE THE ACCUSATIONS AGAINST METHODOLOGISTS FAIR? METHODOLOGIST'S ANSWER

Rozin, Vadim,*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,**Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS,**1 bldg, 12 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

The article analyzes the discussion by political scientists and some Russian intellectuals of the ideas of the Moscow Methodological Circle (MMC), whose representatives are accused of arming the modern government with inadequate methodology, trying to control it, almost ideologically preparing a special military operation. The author separates two main directions of methodology - philosophical research and applying it into practice, arguing that the accusations relate primarily to the second direction, in addition, he argues that there is no single methodology, there are different groups of methodologists with different views and tasks. In order to develop criteria for understanding and evaluating the discussion, a reconstruction of the evolution of the views and concepts of the MMC is proposed: from the first program for the study of thinking, through the program for constructing the theory of activity and mental activity, to organizational activity games (OAG) and the concepts of management and OLM (organization, leadership, management). At the same time, the influence of Marxist ideas, which led to the reduction of sociality and management to activity, is demonstrated. The nature of the OAG is discussed. At the end of the article, the achievements of methodology are characterized, which the author refers to the "golden fund of methodology", obtained in the framework of philosophical research. The study is accompanied by an analysis of the positions of methodologists and their critics, as well as social situations that predetermined the development of methodology. In particular, they point to the crisis of socialism in the USSR, the weakening of ideological pressure, the expansion of freedom, and the expansion of the activity of philosophers and scientists. According to the author, the main methodological schemes for reforming sociality were created at the MMC (Moscow Methodological Circle) without a serious study of sociality, which was used by some political scientists and ambitious intellectuals, blaming methodologists, attributing imperious intentions and goals to them. As the author shows, everything is much more complicated, it is necessary to take into account both the difference in methodological views, and the division of methodology into two directions, as well as the political context influencing it.

Keywords: methodology, thinking, activity, mental activity, organizational activity game, management, organization, situation, development, crisis.

Bibliographic description for citation:

Rozin V. Are the Accusations against Methodologists Fair? Methodologist's Answer. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 1, pt. 1, pp. 176–196. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-176-196.

References

1. Aristotle. Politika [Politics]. Aristotle. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 375–645. (In Russian).
2. Davydov V.V. *Teoriya razvivayushchego obucheniya* [The theory of developmental learning]. Moscow, INTOR Publ., 1996. 544 p.
3. Dzhultaev K. «Novye lyudi» vernulis' k starym ideologam [“New people” returned to the old ideologists]. *Dzen*, 2020, 22 December. (In Russian). Available at: https://dzen.ru/media/octagon_media/novye-liudi-vernulis-k-starym-ideologam-5fe-1f258a26fb132ca294cfe (accessed 21.02.2023).
4. Korneev D. Vospitanie yurista [Education of a lawyer]. Karavan [Caravan], 2003, 18 April. Available at: <https://www.caravan.kz/articles/vospitanie-yurista-370231/> (accessed 21.02.2023).
5. Kukul'in I., Kuren'noy V. Shkola Shchedrovitskogo i ee nasledie. Ch. 1 [The Shchedrovitsky school and its legacy. Pt. 1]. *Polit.ru*, 2017, 31 March. (In Russian). Available at: <https://polit.ru/article/2017/03/31/methodology/> (accessed 21.02.2023).
6. Leont'ev A.N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of the psyche]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 575 p.
7. Metodologi [Methodologists]. *Vikireal'nost'* [Wikireality]. Available at: <http://wikireality.ru/w/index.php?title=%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8&oldid=633366> (accessed 21.02.2023).
8. Metodologiya [Methodology]. *Wikipedia*. (In Russian). Available at: <https://ru.wikipedia.org/?curid=48588&oldid=127839332> (accessed 21.02.2023).
9. Rozin V.M. Metodologiya [Methodology]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 2001, pp. 454–455.
10. Pastukhov V. Otravlenie Kirova [Poisoning of Kirov]. *Novaya gazeta*, 2021, 20 September (no. 105). (In Russian).
11. Popov S.V. Metodologiya organizatsii obshchestvennykh izmenenii [Methodology for organizing social change]. *Etyudy po sotsial'noi inzhenerii: ot utopii k organizatsii* [Etudes in social engineering: From utopia to organization]. Ed. by V.M. Rosin. Moscow, URSS Publ., 2002, pp. 45–63.
12. Rozin V.M. *Etapy postizheniya i raskoldorvaniya myshleniya i deyatelnosti. Tvorchestvo G.P. Shchedrovitskogo: vysokaya drama zhizni i mysli* [Stages of comprehension and disenchantment of thinking and activity. Creativity G.P. Shchedrovitsky: high drama of life and thought]. Moscow, Lenand Publ., 2022. 200 p.
13. Rozin V.M. *Priroda sotsial'nosti: problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [The nature of sociality: Problems of methodology and ontology of social sciences]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 288 p.

14. Rozin V.M. *Stanovlenie i razvitie evropeiskoi sotsial'nosti: etyudy-issledovaniya*. Kn. 1. *Drevnii mir i srednie veka* [Formation and development of European sociality: Etudes-research. Bk. 1. The Ancient World and the Middle Ages]. Moscow, URSS Publ., 2019. 181 p.
15. Rozin V.M. *Genezis evropeiskoi sotsial'nosti: etyudy-issledovaniya: novoe vremya* [Genesis of European sociality. Etudes-research. New time]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2020. 400 p.
16. Glavatskii M.E., ed. *Kbrestomatiya po istorii Rossii, 1917–1940* [Reader on the history of Russia. 1917–1940]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1994, pp. 265–268.
17. Shchedrovitskii G.P. Dizain i ego nauka: «khudozhestvennoe konstruirovaniye» – segodnya, chto dal'she? [Design and its science: “artistic design” – today, what's next?]. Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1995, pp. 334–342.
18. Shchedrovitskii G.P. *Na doskakh. Publichnye leksii po filosofii G.P. Shchedrovitskogo* [On the boards. Public lectures on the philosophy of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 2004. 195 p.
19. Shchedrovitskii G.P. *Ya vsegda byl idealistom* [I have always been an idealist]. Moscow, Put' Publ., 2001. 365 p.
20. Shchedrovitskii G.P. *Organizatsionno-deyatelnostnaya igra: sbornik tekstov (1)* [Organizational and activity game. Collection of texts (1)]. Moscow, Nasledie MMK Publ., 2004. 288 p.
21. Shchedrovitskii G. *Znak i deyatelnost'* [Sign and activity]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2005. 463 p.
22. Shchedrovitskii G.P. *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. The science. Methodology]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1997. 641 p.
23. Shchedrovitskii G.P. Skhema mysledeyatelnosti – sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержanie [Scheme of mental activity - system-structural structure, meaning and content]. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Shchedrovitskii G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1995, pp. 281–299.
24. Shchedrovitskii G.P. *Filosofiya u nas est! Lektsiya na Doskakh* [We have philosophy! Lecture on boards]. Shchedrovitskii G.P. *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. The science. Methodology]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki Publ., 1997. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/5484/5486> (accessed 21.02.2023).

The article was received on 24.10.2022.

The article was reviewed on 11.11.2022.